

А. В. Журавский

Магомет-кардинал: к истории одного образа Мухаммада в средневековой Европе

Рассказ о монахе Бахире, прозревшем в отроке Мухаммаде будущего пророка, и шампанская баллада о Магомете-кардинале. Эти два текста разделяют пять веков. Тем не менее второй был бы невозможен без первого. В статье предпринята попытка проследить, как отрок Мухаммад из мусульманской легенды о монахе-провидце превратился на «латинском Западе» в кардинала Магомета. Исследование истории становления легенды о Магомете-кардинале позволяет поставить вопрос о том, что на самом деле знали об исламе в средневековой Европе. Действительно ли эти знания ограничивались лишь незначительным набором полемических стереотипов, как это часто принято думать сегодня? Или же мы можем говорить о системе вполне упорядоченных образов Магомета, каждый из которых выполнял вполне определенную задачу?

ключевые слова: Магомет, Бахира, монах-еретик, кардинал, жесты, «Золотая легенда», лис Ренар, житие, легенда, стереотипы.

Название *Магомет-кардинал* придумал не я. Так назывался небольшой, опубликованный в 1899 г. Эдмоном Дутте очерк, в котором внимание исследователей обращалось на балладу «Легенда о Магомете. Шампанская версия», изданную в 1863 г. Проспером Тарбе в третьем томе его собрания «Романсеро Шампани». Э. Дутте со ссылкой на и по сей день всеми цитируемую статью Алессандро Д'Анкона «La leggenda di Maometto in Occidente» («Легенда о Магомете на Западе») отметил связь легенды с историей монаха Бахиры, при этом его общие выводы оставляют желать лучшего:

Известно, что в средние века о мусульманах распространялись самые невероятные, самые абсурдные и, часто, наиболее odioзные истории. Сначала Магомета считали идолом Махоном, которому поклонялись мусульмане наряду с другими идолами, потом он стал еретиком, основавшим новую секту.

Одни утверждали, что его наущал дьявол, другие, что он был антихристом [*Doutté, 11–12*].

Собственно, отчасти этот очерк, а отчасти досада на то, что в своей первой книжке я сам следовал современным стереотипам о «невежественных стереотипах средневековья», и побудили меня разобраться с Магометом-кардиналом. О средневековых образах Мухаммада написано сегодня много, и есть очень хорошие работы. Но проследить логику становления того или иного конкретного образа исследователи особо не стремятся.

Начну с текста баллады. Сложена она на старофранцузском языке классическим восьмисложником со смежными рифмами.

En cel temps Mahomet regnoit:
 Prince des Sarradins estoit
 Ou tens Dagobert fis Clotaire,
 Qui III ans regna en mal faire
 Mahommeque fu apelez:
 Preudon estoit et mout saichant
 Entre la sarrazine gent [*La légende, 41*].

Полностью перевод текста баллады я даю в прозаическом подстрочнике:

В ту пору Магомет, государь сарацин, царствовал. Во времена Дагоберта, сына Хлотаря. Того, кто четыре года правил, причиняя много бед, звали Магоммек. Среди сарацинской знати он был человеком просвещенным и благородным. Был он римским кардиналом, самым умным и образованным. Он был послан к сарацинам, дабы, проповедуя христианство, открыть им истину. Согласился он на это при условии, что когда папа умрет, он вернется, и выберут его. Святой Престол согласился, и он отправился из монастыря проповедовать сарацинам. Проповедовал он истину столь красноречиво, что всех объединил и подчинил себе. А когда папа умер, Престол не сдержал обещаний. Другой стал папой. Узнав об этом, Машоммет¹ так опечалился, так разгневался, что против истины все обернул, стал проповедовать противное тому, чему прежде учил. Все вновь последовали за ним. В 626 г. он умер, и Бог его не признал [*La légende, 41–42*].

1. Машоммет — одно из имен Мухаммада. О «многоеимёньи» Мухаммада в Средние века см. ниже.

Итак, римский кардинал Магомет, основавший новую религию в отместку за то, что его не выбрали папой. Собственно, если Магомет идол, или шарлатан, или волхв, или лжепророк, или предтеча антихриста, почему ему не быть и кардиналом? Однако, во-первых, пойдй-найди такого ересиарха, которого бы не обзывали шарлатаном, предтечей грядущего антихриста или сыном дьявола. Это всего лишь фигуры полемического дискурса. А вот кардинал Магомет — это уже необычно. А во-вторых, так ли уж и мало знали в средневековой Европе об исламе? В этой статье я не берусь ответить на этот вопрос. Однако уверен в одном — точно измерить объем этих знаний мы пока не можем.

По «Песне о Роланде» можно предположить, что Махон или Махаунд — идол наряду с Терваганом и Аполленом, но в «Короновании Людовика» граф Гильом отвечает сарацину:

Твой Магомет, как каждому известно,
Спервоначалу был Христу привержен
И наше проповедовал ученье [*Коронование*, 168].

В хронике псевдо-Турпена (латинский оригинал — конец XI в., старофранцузский перевод — начало XII в.) между Роланом и его антагонистом сарацином Фернагюзом (*Fernaguz*) разворачивается на четырех страницах настоящий богословский диспут. И Фернагюз, в частности, говорит:

Мы верим, что Творец неба и земли — один Бог, ни сына у Него нет, ни отца. И, само собой, Он никого не родил, и от Него никто не родился. Посему Он один Бог, а не троичный [*Turpin*, 18]².

Далее Ролан подробно объясняет, как один Бог может быть триединым, приводя в пример звучащую арфу, которая суть дерево, струны и звук. Как дерево, струны и звук образуют звучащую арфу, так и Отец, Сын и Святой Дух суть единый Бог. А когда в конце этого увлекательного богословского спора Ролан пронзает Фернагуза мечом, тот восклицает:

2. Латинский текст: *Nos credemus quod creator caeli et terrae unus Deus est, nec filium habuit, nec patrem; scilicet, sicut a nullo generates est, ita neminem genuit: ergo unus est Deus, non trinus.* Старофранцузский

текст: *Nos creons que li crierres del ciel et de la terre est uns Dex, ne il n'ot ne filz ne père; et aussi con ne fut de nului engendrez, ausi n'engendra il nului, et por c'est il uns Dex et ne pas en trois personnes.*

Mahomet, et mi Deu en cui je croi et aor, secorez moi et aidiez! Que je muir.

Магомет и мой Бог, в которого я верю и которому поклоняюсь, сберегите меня и помогите! Я умираю [Turpin, 21].

В то, что Фернагюз, только что почти буквально цитировавший на латинском и старофранцузском 112 суру Корана, поклоняется идолу Магомету, верится как-то с трудом. В тексте очевидно обращение не к богу Магомету, а к Магомету и Богу.

Первый крестовый поход значительно расширяет знания европейцев об исламе. Другое дело, что, видимо, сначала четко не могли определиться со статусом Мухаммада. Однако с освоением истории о монахе Бахире дело пошло проще.

Принято считать, что история встречи Мухаммада с Бахирой впервые изложена в Сире (жизнеописании Мухаммада) Ибн Хишама, самой ранней из дошедших до нас. На самом деле в том виде, в каком она дошла до нас, это коллективный труд, по крайней мере, трех поколений. Ее авторы — «кладезь знаний» Ибн Исхак из Медины (ум. 768), дело его продолжил достоверный передатчик хадисов ал-Бакка'и из Куфы, (ум. 799). И завершил труд литератор и историк Ибн Хишам из Басры (ум. 834). То есть это — почти вековой труд, который во многом сформировал «каноническую» версию жизни Мухаммада. Хотя ранний пласт Ибн Исхака, несомненно, сохранился³. Вот как история о монахе Бахире рассказана в Сире:

Сообщает Ибн Исхак. Абу Талиб с торговым караваном собрался в Сирию. <...> Перед самым отъездом Мухаммад крепко прижался к Абу Талибу, всем видом показывая, что не хочет расставаться с ним. Ей-богу, возьму парня с собой. Будет при мне, а я при нем. В сирийском городе Бусра караван встал на отдых. Неподалеку от тамошней обители обосновался монах по имени Бахира, сведущий в учении христиан. В его келье издавна селились братья по вере, постигая мудрость хранившейся там старинной книги, которая передавалась из поколения в поколение. Мекканские караваны часто проходили мимо, но Бахира никогда не заговаривал с торговцами до этого дня. На сей раз он вышел к ним, и причиной тому было знамение: он увидел, что над Мухаммадом парило облако, укрывая его единственного своей сенью; а ког-

3. Западные публикации под названием Сира Ибн Исхака представляют собой извлечения из Сиры Ибн Хишама наиболее ранних пластов текста, по мнению исследователей, принадлежащих Ибн Исхаку.

да караван остановился, Бахира приметил, что дерево склонило над мальчиком свои ветви, укрыв его тенью. <...> Бахира пригласил всех на трапезу; а когда все собрались, он заметил, что мальчика с ними нет: его оставили стеречь поклажу. Монах попросил пригласить и его. Когда все насытились и разошлись, Бахира стал расспрашивать отрока о его сновидениях, о привычках и делах. Ответы Мухаммада совпадали с тем, что прежде монах вызнал о нем из книг. Осмотрев спину мальчика, он увидел меж лопаток печать пророчества. Затем Бахира подошел к дяде Мухаммада, завел с ним беседу, в конце которой предупредил: «Ступай-ка домой с мальчиком и как зеницу ока береги его от иудеев. Ей-богу, если он попадетсЯ им на глаза, и они распознают в нем то, что теперь очевидно мне, несдобровать ему от их козней. Ведь у твоего племянника великая судьба. Забирай его быстро домой». <...> Рассказывают также, что трое из тамошних иудеев или христиан разглядели в мальчике то, что открылось Бахире, и замыслили против Мухаммада худое. Однако монах задержал их, напомнив об известных им по священным книгам приметах будущего пророка — даже если они посмеют напасть на него, им все равно ничего не удастся [*Жизнеописание*, 36–37].

В последующих мусульманских версиях этот сюжет почти не меняется, хотя и дополняется различными подробностями. Для нас важен только один момент. У Ибн Са'да (ум. 845), автора большого свода биографий мусульман *Kitāb al-ṭabaqāt al-kabīr*, первые две книги которого посвящены жизнеописанию пророка, свидетельство о пророческом призвании Мухаммада увязывается с женитьбой на Хадидже; т. е. брак получает религиозное освящение. Путешествовавший с Мухаммадом раб Хадиджи Майсира сообщает ей об этом предсказании Настура (имена монаха варьируются), и она избирает себе в мужа будущего пророка [*Ibn Sa'd*, 148]. В западно-христианских сочинениях эпизод с женитьбой будет подробно обыгрываться.

С появлением истории о монахе Бахире мы имеем право говорить о новом, утвердившемся в разных религиях, житийном топосе. Это риши Асита, который считается в индуизме автором двадцати гимнов Ригведы, а в житиях Будды он, узрев младенца Сиддхартху Гаутаму, объявляет шакьям, что их царевич обретет просветление. Это Симеон Богоприимец, один из 72 толковников, которому дано было убедиться в истинности пророчества Исайи. И это христианский старец Бахира, прозревающий в отроке Мухаммаде будущего пророка.

Ближневосточным христианам история о монахе и Мухаммаде стала известна очень рано. У Иоанна Дамаскина читаем:

...Лжепророк, называемый Мамед... познакомившись с Ветхим и Новым Заветами, а также пообщавшись с арианским будто бы монахом, составил собственную ересь [*Иоанн Дамаскин, 150*].

Очень лаконично, но это было написано еще до появления Сиры даже в ее самом раннем изводе Ибн Исхака. Я не собираюсь задаваться праздным вопросом, в какой среде — христианской или мусульманской — и в каком виде эта история появилась раньше. Важно одно, она очень рано укоренилась в ближневосточной христианской среде — с полемическими интенциями, а в мусульманской — с апологетическими.

Я также не буду совершенно касаться судеб истории Бахиры на Ближнем Востоке. Об этом написано довольно много. Она известна в западном и восточном сирийских изводах, в арабских редакциях. Скажу только, что эта, на первый взгляд, простенькая история возымела масштабы грандиозные. С ней есть что делать и арабистам, и сириологам, и византологам, и медиевистам, и тем, кто занимается апокалиптической литературой. В ближневосточных христианских версиях эта история получила название «Апокалипсиса Бахиры».

Я остановлюсь лишь на том, как история Бахиры попала в Европу. Да, отмечу только, что в восточно-христианских версиях Бахира или Сергей совсем не обязательно еретик, он просто уже старенький и пытается наставить юного Мухаммеда в христианской вере, но тот неверно его понимает и многое искажает.

Одно из первых упоминаний о Мухаммаде в Европе мы находим у епископа Евлогия Кордовского (первая половина IX в.) в “*Liber apologeticus martyrum*”, однако он пишет только о ересиархе Махомате и о его учении, о монахе еще ничего не сообщает.

В Европу же история первоначально, и в крайне усеченном виде, попадает через «Хронографию» Феофана Исповедника, завершившего ее в 813 году. О Мухаммаде в ней говорится:

(6122, P.X. 629/30) В этом году окончил жизнь Муамед, вождь и лжепророк сарацинский... <...> ...Будучи бедным и сиротой, упомянутый Муамед надумал наняться к одной богатой женщине, родственнице своей по имени Хадига, для хождения за верблюдами и для торговли в Египте и Палестине. Мало-помалу он осмелел, снискал расположение вдовой женщины, взял в жены и вступил во владение ее имуществом. Приходя в Палестину, он общался с иудеями и христианами и заимствовал у них кое-что из писаний, но был подвержен падучей болезни. Жена, заметивши это, сильно опечали-

лась, что она, благородная, связалась с таким не только бедным, но и эпилептиком. Он же, стараясь обманом успокоить ее, говорил: «Мне бывает видение ангела, именуемого Гавриил, и, не вынося его вида, я теряюсь и падаю». Она знала некоего монаха, по зловерию изгнанного и жившего там, рассказала ему все и имя ангела; он для успокоения ее подтвердил ей: «Истину сказал. Этот ангел посылается ко всем пророкам». Она, выслушав слова лжеотца, первая поверила ему и возгласила другим женщинам того же племени, что муж ее пророк. Эта весть от жен перешла к мужьям, сначала к Абубахару, которого он оставил своим преемником; и эта ересь утвердилась в пределах Ефрибы, в конечном счете, посредством войны [Θεοράνης, col. 685–687].

Анастасий Библиотекарь перевел «Хронографию» Феофана на латинский уже в конце того же IX века. В оксфордском критическом издании «Хронографии» указывается, что во многих кодексах *μοναχός* (монах) изменено на *μοιχός* — прелюбодей [The Chronicle, 465–466]. И у Анастасия, который в переводе во всем точно следует Феофану, есть одно исключение. Вместо «рассказала одному монаху, который по зловерию изгнан», мы читаем: «*amicum suum cum haberat adulterum indicavit*» (другу своему, с которым у нее был адюльтер, рассказала). А вот слова: «выслушав слова лжемонаха, первая поверила ему», Анастасий переводит точно: «*prima suspecto pseudomonachi verbo credidit ei*» [Anastasius, 165]. Так что первую информацию о том, что Мухаммад кое-что заимствовал у христиан и иудеев, и о псевдо-монахе прелюбодее европейцы получили уже в конце IX века.

Я не буду останавливаться на том, что знания об исламе распространяются в Европе неравномерно и в разных объемах. Само собой разумеется, что в Испании, на юге Франции, на Сицилии об исламе узнали раньше и знали больше. Северная Европа что-то реальное узнала об исламе только в начале XII в., т. е. после первого крестового похода. А относительное выравнивание этого знания происходит только в XIII веке. Я не буду также говорить о разных уровнях этого знания. Естественно, ученые богословы, простые клирики и проповедники, побывавшие у сарацин или турок и не побывавшие, *litterati et illetterati*⁴ знали ислам в разной степени и осваивали это знание с разными целями. Все это очень важно, очень интересно, но к моей теме прямого отношения не имеет. Далее я буду говорить только о том, как формируется

4. Грамотные и неграмотные (лат.).

образ Магомета-кардинала, уделяя при этом основное внимание популярным сочинениям, имевшим широкое хождение.

В более подробных изложениях историю Бахиры в Европе все же узнают только в первой половине XII в. во многом благодаря Петру Альфонси, арагонскому еврею, в 40 лет принявшему христианство, автору знаменитых «Наставлений клирику». Он также был автором «Диалогов христианина с иудеем», в пятом из которых подробно разбирается ислам. Петр Альфонси демонстрирует вполне основательное знание его положений и довольно точно цитирует Коран. У него монах Сергей — яковит, а яковиты — это еретики, которые совершают обрезание и исповедуют, что Христос не был Богом, а только человеком, зачатый от Святого Духа и Девы; они также отрицают Его распятие и смерть [*Petrus Alfonsi, col. 597–606*]. То есть, согласно Петру, мусульманское учение об Иисусе совпадает с яковитской христологической доктриной. Второй источник того же времени, в котором дается более развернутая версия о монахе Сергии, только уже не яковите, а несторианине, это так называемая «Апология ал-Кинди», впервые изданная в составе клюнийского корпуса или толедского сборника Петра Достопочтенного. Это тот самый сборник, в составе которого появился и первый латинский перевод Корана Роберта Кеттонского. А под «Апологией ал-Кинди» подразумевается перевод арабо-христианского апологетического сочинения (то ли середины IX, то ли начала X веков), в латинском изводе именуемого “*Epistola saraceni et Rescriptum christiani*”, где сарацин — Абдаллах ибн Исмаил ал-Хашими, а христианин — Абд ал-Масих ибн Исхак ал-Кинди. Трактат, получивший большую популярность, распространявшийся и отдельными списками, вне корпуса. И в нем уже подробно рассказывается о Сергии, изгнанном из монастыря за какие-то прегрешения, и отправившемся в Аравию, где он повстречался с Мухаммадом и убедил его последовать своей вере, т. е. обратил в несторианство. Цитировать уже не буду. Скажу только, что как Петр Альфонси, так и «Апология» называют еще и двух нечестивых иудеев, которые уже после смерти Сергия взяли в оборот несмысленного Мухаммада и вконец запутали дело.

Еще раньше «Диалогов» и «Апологии» появляется труд историографа первого крестового похода Гвиберта Ножанского (1053–1124) «Деяния Бога через франков». Того Гвиберта, который учился у Ансельма Кентерберийского. Последние главы первой его книги посвящены описанию положения христианства на Востоке перед началом крестового похода. Главная причина бедствий

восточных христиан, по мнению автора, в том, что они удалились от латинской церкви и распались на множество ересей. И далее:

III. *Учение Магомета*. Согласно широко распространенному мнению, Матомус, это имя человека, если я правильно его передаю, который увел их от веры в Сына и Святого Духа, и учил их признавать только лицо Отца, как Бога единственного и Творца; и говорил, что Иисус всецело человек. В кратком изложении его учение предписывает обрезание и поощряет их всех в распутстве. Я не думаю, что этот нечестивый человек жил так уж давно, потому как не нашел никого из учителей Церкви, кто бы писал против его грязных измышлений. Поскольку из написанного я ничего не узнал о его нравах и жизни, не должно удивляться моему желанию поведать о том, что я обычно слышал от наиболее искусных рассказчиков. Бесполезно обсуждать, что здесь истинное, а что ложное, пока мы выясняем только, что это был за наставник, слава о пресловутых злодеяниях которого продолжает распространяться. С уверенностью можно говорить плохо о том, чья злонамеренность превзошла и превысила любой порок, о котором что-либо можно сказать.

IV. *Откуда он яд свой испил*. После того как александрийский патриарх умер, многие из наиболее взыскующих людей стали посещать одного отшельника, который жил поблизости. Однако в беседах они обнаружили, что расходятся с ним в кафолической вере. Они покинули его и осудили. Отвергнутый, затаивший обиду, ибо не смог достичь того, к чему так стремился; подобно Арию, он начал тщательно вынашивать замысел отмщения через распространение яда ложного учения, способного подорвать кафолическое вероучение во всем мире. Тогда враг человеческий внушил ему, как по некоторым признакам узнать молодого человека, который послушает его. И отшельник узнал среди посещавших его этого человека, и стал наставлять его, постепенно отравив тем же ядом, которым был отравлен сам. А поскольку человек этот был беден, а бедному невозможно достичь власти, отшельник нашел способ, как это поправить. Одна очень богатая женщина, которая недавно овдовела, никак не могла найти подходящего ей мужа. И отшельник сказал этой женщине, что нашел для нее подходящего пророка. Если она выйдет за него замуж, то будет жить в полном счастье. Он увещевал эту женщину, обещая, что пророк обеспечит ее как в этой, так и в будущей жизни, и так возбудил ее женские чувства, что она согласилась выйти замуж за неизвестного человека. Так бедный Матомет получил блестящее богатство и власть, которые окончательно помutilи его рассудок [Guibertus, col. 689–690].

Я процитировал только то, что важно для моей темы. А важен здесь, возможно, впервые появившийся мотив неудачной борьбы за власть в церкви, затаенной обиды и жажды мести.

В начале того же XII в. Эмбрих Майнцский создает первое произведение, полностью посвященное Мухаммаду — “*Vita Mahumeti*”⁵ в 1149 латинских стихах, написанных леоновым гекзаметром [*Historia, col. 1343*]. Эмбрих родом из Майнца (*Mogontiacum*), т. е. из северной Европы. Мухаммад у него живет в Ливии в IV веке. Хотя и с этим не все так просто, одной ссылкой на незнание не отделаешься. Время Эмбриха — время григорианской реформы (не календарной, а церковной) и время ересей. Прообразом эмбриховского Магомета был Генрих Лозаннский (ум. 1148), воспитанник клюнийского монастыря и ересиарх, уподоблявший себя Иоанну Предтече и проповедовавший в одеянии кающегося грешника. Генрих написал письмо епископу Майнца Гильдеберту Лавардину с просьбой позволить ему проповедовать в городе, убеждая людей в необходимости реформы. Гильдеберт ответил согласием, а сам уехал. Вернувшись, он столкнулся со спровоцированным Генрихом антиклерикальным бунтом, который ему насилу удалось подавить.

Выбор Ливии, возможно, был отчасти обусловлен смешением, как предположил Томас Бурман, Йасриба (будущей Медины) с Триполи: Йасриб часто транскрибировали как *Tribus* или *Tripus* [см.: *Antithagiography, 163*]. Но вот выбор IV в., не исключено, вовсе не случаен: это тоже век больших ересей и расколов. И не случайно Эмбрих в поэме упоминает Феодосия — последнего римского императора единой империи, а также борца с арианством и язычеством — Амвросия Медиоланского, жившего в ту же эпоху.

У Эмбриха Магомета наставляет и женит на Хадидже некий ливийский волхв. И этот выбор не такой уж случайный, поскольку волхования Эмбрих возводит к Симону Волхву, по мнению большинства ранних отцов Церкви, — родоначальнику гностицизма и всех ересей в Церкви. И чем занимался Симон, согласно Деяниям апостолов?

Прежде он занимался магией и всех жителей Самарии поражал своим искусством. Он утверждал, что он больше, чем человек, и все от мала до велика жадно внимали ему. «Он — Сила Божья, та, что зовется Великой», — говорили они. А слушали его так потому, что в течение многих лет он поражал всех чародейством^{*1}.

*1 Деян 8:9–11

Потом он принял крещение вместе со многими жителями города. Но чего он восхотел?

5. В своем жизнеописании Эмбрих именуется Мухаммада то *Mahumet*, то *Mamutius*.

Увидев, что через возложение рук апостолов дается Дух, Симон принес им денег. «Дайте и мне такую силу, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Святого Духа», — попросил он *¹.

*¹ Деян 8:18–19

Симон помыслил получить духовную власть за деньги. Того же добивался, согласно Эмбриху, и Магомет.

То, что Эмбрих пишет о Мухаммаде, не так важно по содержанию (для моего случая), но важно по форме. Он подражает латинским стихотворным житиям святых, в частности, «Житию блаженной Марии Египетской», автором которого был епископ Майнца Гильдеберт Лавардин. На этот принципиально важный момент обратил внимание американский исследователь Джон Толан. [Подробно см.: *Antihagiography, 1–18.*] Не случайно Эмбриха и Гильдеберта так долго принимали за одно лицо (часто писали *Hidelbertus sive Embricus*). В Патрологии Ж.-П. Миня «Жизнь Магомета» помещена под именем Гильдеберта (см. выше отсылку *Historia, col. 1343*). Ги Камбье удалось доказать, что это два разных автора [*Cambier, 468–479*]. Так вот, Эмбрих выстраивает обличительную биографию, но выстраивает ее по канонам житийной литературы, т. е. создает прецедент антиагиографического жизнеописания Мухаммада. И выбор «Жития Марии» в качестве образца для подражания вполне уместен, поскольку оно относится, по терминологии М. М. Бахтина, к кризисным житиям с элементами «авантюрно-бытового романа» [*Бахтин, 262*].

Только один пример. Общеизвестен житийный топос укрощения святым какого-нибудь дикого животного. В «Жизни пустынных отцов» Руфина авва Бене обращает именем Иисуса Христа в бегство дикого гиппопотама, который опустошал близкие по соседству страны; авва Гелен путешествует по реке на спине лютого крокодила. В «Житии Марии» лев помогает старцу Зосиме выкопать для святой могилу. Св. Патрик избавляет Ирландию от змей. Св. Франциск дружится с волком Губио. Преподобный Сергей Радонежский — с медведем.

Магомет с волхвом втайне от ливийского народа выращивают страшного быка. Эмбрих его подробно описывает: он только отдаленно напоминает быка, глаза извергают пламя, рога его острее бивней носорога, щеки покрыты шипами, пасть его подобна бездне. В общем, зверь апокалипсиса. Ливийский царь умирает, народ в растерянности. Приходит волхв и возвещает, что Бог наслал на них страшного зверя, и тот, кто усмирит его, станет новым царем. Является молодой ливиец Магумет, которого бык знает

и поэтому слушается его. Магумет становится царем ливийского народа [*Antihagiography*, 12–13].

В XII в. появляется еще одно латинское стихотворное жизнеописание Мухаммада — “*Otia de Mahomete*” или “*Carmen de Mahomete*” («Песнь о Магомете») Готье (или Вальтера) Компьенского. На ней останавливаться я не буду, потому что веком позже ее пересказал уже французским восьмисложником Александр дю Пон.

Всякий, кто хочет узнать о Магомете, может это сделать здесь, во французской Бургундии, в Сансе. Здесь жил один монах, который прежде был сарацином, но принял христианство. Он полностью отверг Магомета, он все знал о мошенничествах и надувательствах, которые проделывал Магомет в своей жизни. Он рассказал об этих обманах своему настоятелю, а тот рассказал аббату Готье. Этот монах положил историю на стихи, сделал из них латинскую книжку. Из нее Александр дю Пон составил эту поэму [*Du Pont*, 2].

И далее Александр, что важно для нас, сообщает:

Его отец и мать родились в Идумее, отца звали Авдименеф, а имени матери он не знает. Магомет все знал о религии Христа из наставлений и из книг; он был большим ученым в геометрии, музыке и астрономии, в грамматике и арифметике, логике и риторике [*Du Pont*, 3].

Вот еще один шаг в становлении образа. Сам Мухаммад уже не просто хорошо знает христианство (монах-учитель уже не особо нужен), но и владеет науками тривиума и квадравиума.

В XIII в. происходит еще ряд важных событий. Прежде всего, я имею в виду монументальное агиографическое полотно Иакова Ворагинского. Название, данное автором — “*Legenda Sanctorum*”, а самое популярное название — “*Legenda aurea*” («Золотая легенда»). Согласно преданию, Иаков составил эти «Жития святых» в качестве подходящего чтения для доминиканских монахинь в Падуде, духовником которых он был.

Популярность книги в Средние века была невероятной. Уже в то время она была переведена почти на все европейские языки, порой с добавлениями, которых нет в латинском оригинале. Она входила в число наиболее часто переписываемых рукописей (до наших дней дошло более тысячи копий), занимая прочное второе место после Библии, а с распространением книгопечатания уже к 1500 г. выдержала 74 латинских издания. Книга послужила

источником большого числа сюжетов для иконографии и живописи, а также для значительного количества позднейших литературных переработок. Во времена Реформации и Просвещения над ней издевались, как могли, а в XX в. исследовали⁶ и обнаружили, что это ценнейший исторический справочник не только по иконографии, но и по быту той эпохи.

Иаков пользовался вполне серьезными источниками: «Великим зеркалом» Винсента де Бове, “*Vitae Patrum*” Иоанна Кассиана (это не что иное, как переработка «Жизни египетских отцов»), «Деяниями франков» Григория Турского, «О жизни великих мужей» Блаженного Иеронима, проповедями Иоанна Златоуста и т. д. Однако рассказывая о вещах серьезных, он расцвечивает их информацией и событиями самыми невероятными. И всегда в таких случаях делает оговорку: «Мы читаем в одной повести, по видимому, не вполне достоверной» [напр.: *Jacobus*, 825].

Так вот, Иаков окончательно укоренил Мухаммада в агиографическом жанре, подобно тому, как десятилетием ранее Винсент из Бове в «Историческом зеркале» утвердил его в средневековой европейской историографии. Как и положено, в житийном сборнике Иаков помещает все события в соответствии с церковным годичным календарем. Это рассказы о жизни Христа, Девы Марии и апостолов по основным праздникам; рассказы о святых и группах святых (например, о семи спящих отроках), сюда же включены и душеполезные повести (например, о Валааме и Иоасафе или апокрифическое житие Моисея). Но он включает сюда рассказы не только о святых, но и об их антагонистах, подробно повествуя об Иуде, Понтии Пилате, Нероне, Юлиане Отступнике. Можно сказать, что Иаков излагает деяния святых в религиозно-историческом контексте. Антагонисты тех, кто вершит дело Божье, тоже включены в христианский универсум. И Мухаммад здесь тоже уместен. Технически это происходит так.

177-я глава (большая — 21 страница в печатном издании) посвящена папе Пелагию I (60-му папе римскому). Она начинается словами:

Пелагий, папа, достиг вершин святости, стяжав всеобщее признание в дни своего понтификата, почил в мире, исполненный благими деяниями. Это не тот Пелагий, который предшествовал папе Григорию I, а тот Пелагий, что до него, которому последовал Иоанн III, а Иоанну Бенедикт, а Бенедикту

6. Например, французский историк Ле Гофф.

Пелагий, а Пелагию Григорий. Во времена этого Пелагия в Италию пришли лангобарды [*Jacobus, 824*].

Все! О Пелагии больше ни слова. Далее следует подробнейший рассказ о нашествии лангобардов, о завоевании ими Ломбардии, об основании государства со столицей в Павии. Однако этот рассказ о лангобардах разбит на две части, между ними вставка на четыре страницы. Появляется она, когда Иаков добирается до византийского императора Фоки:

Во времена Бонифация⁷, после смерти Фоки, при правлении Ираклия, в году 610 по Рождеству Христову, Магумет (*Magumeth*), лжепророк и волхв, совратил агарян или исмаилитов, или иначе — сарацин⁸, следующим, как читаем в одной хронике, образом.

Был один клирик, хорошо известный в Риме, не сумевший добиться там признания, к которому весьма стремился. Затаив обиду, он отправился оттуда за море, где своими кознями совратил много людей. Там он и нашел Магумета, которому обещал поставить его господином и начальником над всеми людьми. Он прикормил голубя, а затем стал вкладывать зерна пшеницы и других злаков в ухо Магумета; голубя же он приучил клевать зерна из уха Магумета, сидя у него на плече. Голубь привык к этому, так что всегда, когда он видел Магумета, садился ему на плечо и засовывал клюв в ухо. Клирик же, созвав народ, объявил, что он провозгласит владыкой над всеми того, на которого снизойдет святой дух в образе голубя. И тогда он тайно выпустил голубя, и тот сел на плечо Магумета, который тоже был среди народа, и сунул клюв ему в ухо. И когда люди увидели это, они сочли, что Дух Святой сошел на него и открывает ему слово Божье. Так провел Магумет сарацин, которые, став его последователями, завоевали Персидское царство и другие восточные империи вплоть до Александрии. Вот, что обычно рассказывают; а то, что последует далее, более достоверно [*Jacobus, 827–828*]⁹.

И далее следуют истории о женитьбе Мухаммада на Кадиган (Хадидже), его болезни и ангеле Гаврииле:

7. Бонифаций IV был папой в 608–615 гг. Император Фока был убит в 610 г., его сменил Ираклий I (610–641), год «появления» Мухаммада — 610 — хронологически все точно.

8. Примечательно, что Иаков Ворагинский приводит все три, принятые у христиан именованья мусульман: агаряне — от Агарь; исмаилиты — от Измаила, сына Агари; сарацины — ложная этимоло-

логия от Сарры, которая «отпустила Агарь пустой» [*Иоанн Дамаскин, 150*].

9. Легенда эта получила в Европе широкое распространение. Ее отголосок звучит в шекспировском «Генрихе VI». Дофин Карл, обращаясь к Жанне д'Арк, восклицает:

Не вдохновлял ли голубь Магомета?

Тебя ж орел, наверно, вдохновлял! (Акт I, сцена 2).

Некая дама по имени Кадиган, которая правила в провинции, называемой Короканика, видя этого человека, признанного среди иудеев и сарацин и покровительствуемого ими, предположила, что в нем сокрыта божественная сила. И поскольку была вдовой, взяла его в мужья. Так, Магумет получил верховенство над всей провинцией. Своими искусными уловками он обольстил не только эту женщину, но и иудеев и сарацин, поскольку публично признал себя Мессией, обещанным в законе. Помимо прочего, у Магумета часто случались припадки эпилепсии. Заметив это, Кадиган сильно опечалилась, что вышла замуж за человека ничтожного и эпилептика. Чтобы успокоить свою жену, Магумет баюкал ее рассказами, говоря: «Вижу архангела Гавриила, часто меня посещающего, и не в силах вынести сияния его лика, лишаясь сил и впадаю в безумие». Его жена и другие поверили, что это так [*Jacobus*, 828].

О монахе Сергии Иаков приводит разные сведения: одни говорят, что он был несторианин (по Апологии ал-Кинди), другие, что был яковитом (по Петру Альфонси), т. е. Иаков уже компилирует:

В другом месте читаем, что был некий монах по имени Сергей, который наставлял Магумета и который прежде, впад в несторианское заблуждение, был изгнан из монастыря, пришел в Аравию, где и прилепился к Магумету. В другом же месте можно прочесть, что он был архидиаконом в Антиохийском крае и был, как утверждают, из яковитов, которые предписывают обрезание и утверждают, что Христос не был Богом, а только человеком, справедливым и святым, от Святого Духа и Девы родившемся. В это верят и утверждают все сарацины. Утверждают, что этот Сергей обучил Магумета многому из Ветхого и Нового Заветов [*Jacobus*, 829].

Поскольку Сергей был монахом, он хотел, чтобы сарацины носили монашеское одеяние — рясу без клобука; и чтобы они, подобно монахам, часто совершали коленопреклонения и молились в определенные часы. Наконец, об учении Мухаммада у Иакова читаем:

Магумет, составляя свои собственные законы, якобы сообщенные ему Святым Духом под видом голубя в присутствии людей, упомянул в них кое-что из обоих Заветов. Поскольку в юности он вел торговлю и посещал с караванами Египет и Палестину, он часто общался с христианами и иудеями, которые знали тот и другой Заветы. Поэтому сарацины соблюдают, подобно иудеям, обрезание и не едят свинину. Чтобы приучить их к этому, Магумет говорил им, что после потопа свинья была создана из верблюжьего кала, поэтому это не чистое животное. Подобно христианам, они верят в единого Бога,

всемогущего и Творца всего. Этот лжепророк смешивал истинное и ложное, утверждая, что Моисей был великим пророком, а Иисус превосходил его и был первым среди пророков, и родился от Девы Марии. И еще он говорит в своем Алкоране, что Иисус, будучи еще дитем, творил птиц из глины. Но ко всему этому он подмешивал яд, говоря, что Иисус не страдал, не воскрес, но что другой человек, похожий на Него, вместо Него страдал [*Jacobus*, 828].

Надо отметить, что Иаков дает весьма умеренную версию жития Мухаммада, без крайностей. И это тоже свидетельствует о полноценной включенности в агиографию. И заканчивает он не обычной историей его смерти: обещал, что воскреснет на третий день, а вместо этого его пожрали собаки (это, начиная еще с «Песни о Роланде»: «Его там псы грызут и свиньи гложут» [*Роланд*, 103]), а завершает он трогательной историей, как Мухаммаду, пытаясь убить его, подали отравленного ягненка, а ягненок сказал: «Остерегись! Не ешь меня, во мне яд» (*Cave, ne te sumas, quia in te habeo venenum*). Тем не менее через несколько лет он умер, отравленный [*Jacobus*, 831]. Следует отметить, что попытка отравления Мухаммада зафиксирована и в мусульманской традиции. Например, в авторитетнейшем своде хадисов ал-Бухари:

Рассказал нам Анас ибн Малик, да будет доволен им Бог: «Некая иудейка подала пророку, да ниспошлет ему Бог благословение и мир, отравленную овцу, и он поел от нее. Затем ее привели к нему и спросили: “Не убить ли нам ее?” Он ответил: “Нет!” Некоторое время я видел следы [отравления] на нёбном язычке посланника Божьего, да ниспошлет ему Бог благословение и мир!» [*Bukhārī*, 54].

При всей необыкновенной популярности «Золотой легенды», особую известность получила глава «О святом папе Пелагии». Она часто переписывалась отдельно, и в этих отдельных изданиях она называлась уже не по имени папы, а по своему реальному содержанию: “*De Gestis*” («Деяния»), “*Cronica*” («Хроника»), “*Langobardorum historia*” («История лангобардов»), но также и “*Machometus*”. Барбара Флайт нашла 15 озаглавленных таким образом рукописей [*Fleith*, 22].

В европейском сознании действительно укореняется парадигмальная схема, которую можно определить словами «Краткой суммы против сарацинской ереси» Петра Достопочтенного: “*Sergius Nestorianus Machumetis conspirator*” — «Сергий несторианин, тайный сообщник Магомета» [*Petrus abbas*, 32]. Причем,

парадигма весьма гибкая. Вместо *Сергий* может стоять другое имя, вместо *несторианина* может быть *арианин* или *яковит*, в каком-либо церковном сане или без оногo. Но, оказывается, эта схема может быть еще более гибкой.

Примерно в то же время, что и «Золотая легенда», появляется еще одна очень популярная книга — “*Li Livres dou Tresor*” («Книга сокровищ») флорентийского поэта и ученого Брунетто Латини; одного из учителей Данте, оказавшего, как полагают дантоведы, на последнего большое влияние. По крайней мере, Данте посвятил ему почти целиком XV песню Ада. Своего учителя он поместил в третий ров седьмого круга ада — к содомитам. Однако этот факт несколько не помешал их задушевной беседе в аду. И прощальные слова Латини, обращенные к Данте:

*Sieti raccomandato il mio Tesoro,
nel qual io vivo ancora, e più non cheggio.*

Мое Сокровище тебе вручаю,
В котором жив еще, и боле ничего [Данте, ст. 118–120].

В переводе М. Лозинского: «Храни мой Клад, я в нем живым остался; // Прошу тебя лишь это соблюсти». Я рискнул дать свой перевод, поскольку здесь принципиально слово *Tesoro* (сокровище) — очевидная отсылка к “*Livres dou Tresor*”.

В первой книге «Сокровищ», написанной Брунетто в Испании на старофранцузском языке, приводятся сведения о происхождении мира и его истории. В 83 главе, размером с небольшой абзац, озаглавленной «Как прославлялась Святая Церковь», говорится:

С тех пор росла сила Святой Церкви вдали и вблизи, у этого моря и за его пределами, со времен Константина и его сына, царствовавшего после него, до времен Ираклия, который стал императором в лето 618 от Воплощения и царствовал 31 год; в ту пору сарацины Персии собрали против христиан большие силы и захватили Иерусалим, и сожгли церкви, и похитили Крест, и изгнали патриарха, и многие бедствия принесли. Затем Ираклий выступил и разбил персидского царя, и вернул пленников и Крест, и подчинил персов законам Рима. Вслед за этим появился злокозненный проповедник, который был монахом и которого звали Махомес (*Mahomès*); он отвратил их от веры и вверг их в страшные заблуждения [*Latini*, 83].

У Брунетто Латини нашлись подражатели. Эти тексты обнаружил Алессандро Д’Анкона (на его труд я ссылаюсь в самом нача-

ле статьи). В конце XIII в. появляются итальянские тривиальные стихотворные переложения фрагментов из «Книги сокровищ», и вот в одном из них находим:

Потом их ввел в заблуждение *Machumitto*.
 Слышал я, что был он монахом и кардиналом,
 И что Эрадио¹⁰ дозволил ему проповедовать.
 Столь свят он был духом и жизнью,
 Что христиане и язычники почитали его святым.
 Звали его Пелагием,
 Происходил он из римской семьи Колонна [*D'Ancona, 199*].

В более позднем итальянском ремейке Брунетто Латини, датированном 1310 г., рассказывается подробней:

Я слышал, как рассказывали,
 Что Эрадио отправил за море
 Одного из римских кардиналов
 Проповедовать христианам,
 И что звали его Пелагий.
 Был он монахом из аббатства Сан Дамаджио.
 Был он тогда весьма угоден Богу.
 Потом папа оказался при смерти,
 Пелагий испросил у кардиналов папства.
 Почему-то его папой не избрали.
 Что же получили кардиналы
 За такой свой поступок;
 Как искушенный ученый муж
 Он ввел всех людей в заблуждение.
 И так преуспел в этом,
 Что все, как святого, его боготворили.
 Того, кто во всякой науке был совершенен,
 Они прозвали Малькометто¹¹
 Или говоря по-романски —
 Посланником Всевышнего Бога [*D'Ancona, 199*].

Вот еще одно смешение имен: Пелагий, которого прозвали *Machumitto* или *Malcometto*. Житие Пелагия по Иакову Ворагинско-

10. По всей видимости, имеется в виду византийский император Ираклий.

11. По народной этимологии *Malcometto* — *commettere male* (творить зло).

му, в котором на самом деле рассказывается о Магомете, сыграло здесь свою роль. В шампанской балладе, с которой я начал свою статью, снимается и это раздвоение имен, и становится понятным странное повторение одного имени в разных написаниях:

В ту пору Магомет, государь сарацин, царствовал.
Это было во времена Дагоберта, сына Хлотаря.
Того, кто 4 года правил, причиняя много бед,
Звали Магоммек [*La légende*, 41].

Вместо «Пелагий, которого прозвали Малькометто» — «Магомет, которого прозвали Магоммек». Образ Магомета-кардинала завершен.

Остается еще вопрос, как и где появилась сама баллада. Я не знаю, имела ли она самостоятельное хождение до появления текста, из которого извлек ее Проспер Тарбе. Однако то, что легенда о Магомете-кардинале была в XIV в. широко распространена, не вызывает сомнений. Один из ее изводов мы находим, например, у Уильяма Ленгленда в «Видении Уильяма о Петре-пахаре»: «Этот Макомес (*Makometh*) был христианином, но не смог стать папой» [*Langland*, 464].

Проспер Тарбе, опубликовавший эту балладу, дает ссылку на рукопись “*Roman du Renart le contrefait*”. «Переделанный Ренар» — так переводит ее название В. С. Лозовецкий в «Краткой литературной энциклопедии». Так ли? В XIV в., по словарям, это слово могло означать «воспроизводить что-то недозволенным образом», «имитировать с целью надуть или ошельмовать». У менестреля Ватрике де Кувана, современника автора “*Renart le contrefait*”, употребляется в значении «играть роль с целью обмануть» [*Watriquet*, 369–370]. Скорее это «Лис подложный» или «Лис обманный», или попросту — «Лис плутовской». Это последний аватар французского цикла о лисе Ренаре. Сначала появился цикл «Роман о Лисе». Он имел несколько продолжений. Трувер Рютбёф во второй половине XIII в. написал «Одряхлевшего Лиса» (“*Renart le bestourné*”, скорее — «Поистаскавшийся Ренар»). Примерно в это же время появляется «Коронование Ренара» (“*Couronnement de Renart*”), около 1288 г. — «Новый Ренар» (“*Renart le Nouvel*”) Жакмара Жиэле из Лилля. Наконец, интересующий нас «Ренар» был создан в первой половине XIV в. в двух редакциях: первая написана между 1319 и 1322 (32 000 стихов восьмисложником), вторая — между 1328 и 1342 гг. (41 150 стихов с прозаическими

добавлениями). Текст этого «Ренара» был впервые издан только в 1914 г. Гастоном Рейно и Анри Леметром [см.: *Renart*]. Исследован он гораздо меньше предшествующих циклов. Лишь в последние годы к нему пробудился интерес, и теперь уже бытует мнение, что это самое интересное из всего написанного о лисе.

Об авторе мы почти ничего не знаем. Сам себя он именует Де Труа, однако это историческая столица Шампани. Поэтому в исследованиях его обычно называют Аноним из Труа. Сам автор в начале своего сочинения сообщает, что эту книгу написал Де Труа, который был клириком, но из-за праздности стал мирянином [*Renart*, 1]. Значительно позже он мимоходом сообщает, что двоеженство вынудило его оставить клир. Автор также извещает нас о своем замысле — подделаться под Ренара, надеть его маску:

Чтобы сказать сокрытым письмом

То, что не решаются сказать открыто [*Renart*, 2].

Сама по себе баллада о Магомете предстает как текст весьма серьезный, я бы даже назвал его трагическим. Однако в контексте «Плутовского Ренара» он воспринимается совершенно иначе. Это — фарс, хотя Аноним из Труа еще не знал такого слова. Надо сказать несколько слов о произведении в целом, чтобы понять, в какой контекст помещена (или возникает) баллада о Магомете-кардинале.

Лис в изгнании, он уединился в своем укрепленном замке в Мопертюи; барсук Гримбер, друг и кузен Лиса, побуждает его вернуться ко двору. Король Лев подвергает его допросу с пристрастием. Он спрашивает, как, будучи таким знающим и умным, он мог совершить столько ошибок. Лис отвечает ему, цитируя Сенеку, Аристотеля, Цицерона, Макробия, Горация, Перса, Платона и т. д. Король вопрошает Лиса о его рождении и получает такой ответ: «Мое искусство и мое чутье древнее Адама и Евы». Лис возводит изобретение плутовства к временам падения ангелов. И далее, ради спасения своей шкуры, начинает травить Льву байки из всемирной истории. Это своего рода пародийное путешествие по миру исторического знания той эпохи¹².

12. Для примера — рассказ об Александре, которому уделено 7000 стихов, в равной степени нелепых и фантастических. Все искажено и перевернуто, все насыщено магическим и экстравагантным духом рыцарских романов. Александр — дитя

таинственного адюльтера египетского царя и Клеопатры, перед которой этот царь предстал в облике Амона. Филипп, получивший некое видение во сне, этому адюльтеру всячески потворствует.

Все это происходит во второй ветви романа. Ренар в стихах рассказывает Льву историю от сотворения мира, а точнее — от падения ангелов и до времен Цезаря и начала правления Августа. Затем Лев предлагает Ренару перейти на прозу. И тот уже в прозе продолжает повествование: о царствовании Августа, Антонии и Клеопатре, о смерти Вергилия (я лишь для примера привожу немногое, о чем рассказывается, однако хронологическую последовательность сохраняю); о Рождестве Богородицы; о предполагаемой дате Рождества Христа, согласно Мефодию Патарскому и Иоанну Парижскому; о пришествии антихриста; о различных астрологических понятиях, об иудейских сектах, о царствовании Тиберия, о Крещении Иисуса, о Страстях Господних, о Филоне Александрийском, Калигуле, Клавдии, о св. Петре в Риме, о Фениксе, о св. Георгии, императорах Нероне, Веспасиане, Траяне и др. (очень многое пропускаю). О евангелизации Галлии, о Марке Аврелии, о манихеях и Никейском соборе, о семи спящих отроках и о Василии Великом. В прозаической части все повествования разбиты на параграфы. Рассказ о Варлааме и Иоасафе относится к 56-му, о Марии Египетской — к 57-му, о происхождении франков — к 59-му, о короле Артуре и Мерлине — к 63-му. Завершает прозаическую часть 164-й параграф — о смерти Карла Красивого и казни его казначея Пьера де Реми в 1328 г. (т. е. историческое повествование ведется до времени написания Ренара).

И вот, внимание: 71-й параграф — о возвращении Ираклием св. Креста в Иерусалим, 72-й — об Исидоре Севильском, 73-й — о Дагоберте, короле франков, и 74-й — о Магомете.

В прозаической части о Магомете рассказывается, что в молодости он был торговцем, поэтому много общался с христианами и иудеями и научился от них Ветхому и Новому Заветам. Так Магомет, который был колдуном, стал христианином. Ему обещали папство. Поэтому он отправился проповедовать и обратил многих неверных в нашу веру. Однако Престол не сдержал обещания... И далее следует история его отпадения от веры с упрощенными вкраплениями из Иакова Ворагинского. Завершается она рассказом о том, как, умирая, Магомет омыл голову водой, и это было знаком того, что без крещения спасение невозможно. Впрочем, он не объяснил смысл своего поступка. Поэтому сарацины омывают голову перед смертью, хотя и не знают, зачем они это делают. Некоторые утверждают, что он раскаялся в том, что проповедовал ложное [Renart, 259–260].

К Магомету Аноним из Труа обращается еще раз, но уже в поэтической форме — тем же классическим восьмисложником со смежными рифмами. В издании Г. Рейно и А. Леметра поэтический Магомет помещен отдельно в разделе наиболее важных вариантов первой редакции романа. И вот здесь мы и находим текст баллады «Легенда о Магомете». Только ему предшествует короткий диалог Льва и Лиса:

[Лис]: В то время правил Пипин король,
 столь мудрый и галантный.
 И в то же время правил Магоммет,
 Он был князем саррадин
 во времена Дагоберта, сына Хлотаря,
 4 года правил, чиня много бед.
 [Лев]: Этот Пипин, которого ты назвал,
 Был отцом Карла Великого?¹³
 [Лис]: Пипин Короткий, Сир? — вовсе нет,
 Этот еще не появлялся на свет.
 [Лев]: О Магомете мне еще расскажи,
 Кем он был и чему служил.
 [Лис]: Сир, тотчас узнаете о том,
 Кого Масонмекой звали.
 Человек просвещенный и благородный
 Среди сарацинского люда,
 Римским кардиналом он был,
 Самым мудрым и образованным... [Renart, 351]

И далее тот же текст, что и в балладе, приведенной в начале статьи. Однако здесь раздвоение одного имени очевидней: *Mahomet* и *Mathonmeqes*.

* * *

Не был Мухаммад в средневековой Европе просто полемическим объектом. Во многом благодаря легенде о Бахире он был включен в христианский универсум. Как антагонист, но *свой*. Разные образы несли разные смыслы и порождали разные тексты. И у этих

13. Пипин Ланденский или Старший (*Pépin de Landen*; ок. 580–640) — майордом Австразии в 623–640 годах. Пипин был сыном Карломана, только не Карломана сына Карла Мартелла и брата

Пипина Короткого, отца Карла Великого, а другого, более раннего Карломана, некоего знатного франка. Намеренная игра с именами.

текстов были разные цели. В Средние века существовал не беспорядочный набор фантастических и исключительно пейоративных стереотипов, а сформировалась система вполне упорядоченных образов Магомета, каждый из которых выполнял вполне определенную задачу. Да, был Магомет полемический, но был и Магомет житийный, Магомет гомилетический (примеры из житийной литературы в проповедях). Был также Магомет эсхатологический — предвестник скорого конца света. И был Магомет литературный — символическая фигура. Под маской Магомета оказывался либо шарлатан, либо недалекий простак, ставший жертвой злокозненного и одержимого гордыней клирика, либо одаренный, но незаслуженно не признанный представитель высшего клира. Мухаммаду всегда находилось место в едином и упорядоченном средневековом христианском универсуме.

У Иакова Ворагинского он был вписан в агиографический мир, как фигура антагонистическая, в Ренаре же оказался включенным уже в смеховую культуру и включенным наравне со всеми другими действующими лицами, соревнующимися в искусстве обмана. Он здесь не более чем гротесковая фигура литературы — такая же, как и все остальные. Лев в «Романе о Лисе» глуповат и доверчив. Лев в церковной скульптуре того же времени предстает грозным апокалиптическим зверем, челюсти которого подобны пасти ада. Лев — доверчивый простак и лев — служитель князя тьмы. Почему-то в этом случае мы не говорим о ложных средневековых стереотипах льва. И никому не приходит в голову требовать политкорректного отношения ко льву.

И в дальнейшем (в эпоху Возрождения и в Новое время) одна из ролей Мухаммада (подчеркиваю — *одна из*) — быть той или иной литературной маской. И его «многoимёнье» — *Mahomet, Mahound, Mahund, Mahoun, Mahum, Magumeth, Malcometto Machumitto, Machumetis, Makometh, Mathonmeqes* — это, отчасти, отражение его многоролевого амплуа, его многоликости в европейской культуре¹⁴. Без этого мы не поймем в полной мере, почему Лютер и вслед за ним протестантские полемисты так легко отождествляли папу римского с Магометом и исламом. Или почему в памфлете конца XVII в. министр финансов при короле-солнце

14. Несомненно, средневековым текстам вообще не свойственна строгая фиксация имени. Однако «разноимёнье» Мухаммада в пределах одного текста, на мой взгляд, не позволяет ограничиться только этим объяснением.

Кольбер обсуждает в аду текущие политические дела с Магометом. Или почему в пьесе «Фанатизм, или пророк Магомет» Вольтер выводил Магомета в роли «Тартюфа с оружием в руках», а в своем «Опыте о нравах и духе народов» в роли великого реформатора. Или почему так легко вписался Магомет в фривольный, игривый и эротичный контекст литературного рококо, и такой огромной популярностью в том же XVIII в. пользовались анонимные «Любовные похождения Магомета, описанные Аишей, одной из его жен». Или почему у Гете в «Западно-восточном диване» Мухаммад именуется по-разному.

Утвердившийся сегодня стереотип «ложного средневекового понимания Мухаммада» помешал большинству европейцев (не мусульман, а именно европейцев) понять «Сатанинские стихи» Салмана Рушди. А видеть в этом романе хулу на Мухаммада то же самое, что видеть в Га-Ноцри М. Булгакова хулу на Христа. И Рушди, кстати, не скрывал композиционной зависимости своего романа от «Мастера и Маргариты». В тексте «Сатанинских стихов» Мухаммада вообще нет, а есть *Махаунд* — имя, которое мы встречаем прежде всего в средневековых жестах. И этот Махаунд — галлюцинаторный образ, являющийся маргиналу Джибрилу Фариште в его снах.

По словам Милана Кундеры, трагичность «дела Рушди» состояла не в том, что Хомейни и вслед за ним почти весь мусульманский мир увидели в романе клевету на ислам, а в том, что сами европейцы не сомневались в этом.

С загадочным единодушием (я наблюдал эту реакцию во всем мире) литераторы, интеллектуалы, завсегдатаи салонов заняли высокомерную позицию по отношению к роману. <...> Никогда не забуду добродетельную беспристрастность, которую они тогда афишировали: «Мы осуждаем приговор Хомейни. Свобода слова для нас священна. Но в меньшей степени мы осуждаем нападки на религию. Недостойные, жалкие нападки, оскорбляющие душу народов». Ну конечно, теперь уже никто не сомневался в том, что Рушди *напал* на ислам, поскольку единственной реальностью было само обвинение; текст книги уже не имел никакого значения. Его больше не существовало [Кундера, 30–31].

В одеянии политкорректности, как и прочих сегодня модных одеяниях, мы вряд ли сможем что-либо всерьез понять в «мрачном и невежественном средневековье». Как тут не вспомнить А. С. Пушкина:

В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений. Под беретом, осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером; сквозь кружевную фрезу *à la Henri IV* проглядывает накрахмаленный галстук нынешнего *dandy*... [Пушкин, 102].

Литература и источники

1. *Бахтин* = Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Он же. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. С. 234–407.
2. *Данте* = Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского / Вступ. ст. Б. Кржевского. М. : Художественная литература, 1967. С. 77–224.
3. *Жизнеописание* = Сира : Жизнеописание пророка Мухаммада : Хрестоматия / Авт.-сост. Т. К. Ибрагим, Н. В. Ефремова. В 2 т. Т. 1. Казань : Магариф, 2008. 320 с. (Углубленное изучение истории и культуры ислама).
4. *Иоанн Дамаскин* = Иоанн Дамаскин. О ста ересях вкратце / Пер. А. И. Сагарда // Творения преподобного Иоанна Дамаскина : Источники знания. М. : Индик, 2002. С. 123–155. (Святоотеческое наследие; Т. 5.)
5. *Коронование* = Коронование Людовика / Пер. Ю. Корнеева // Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро / Вступ. ст. Н. Томашевского. М. : Художественная литература, 1976. С. 147–214. (Библиотека всемирной литературы; Серия 1. Т. 10).
6. *Кундера* = Кундера М. Нарушенные завещания / Пер. с фр. М. Таймановой. СПб. : Азбука-классика, 2005. 285 с.
7. *Пушкин* = Пушкин А. С. Юрий Милославский, или русские в 1612 году : [рецензия] // Он же. Полн. собр. соч. : В 10 т. Т. 7. М. : Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 102–104.
8. *Роланд* = Песнь о Роланде / Пер. Ю. Корнеева // Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро / Вступ. ст. Н. Томашевского. М. : Художественная литература, 1976. С. 27–144. (Библиотека всемирной литературы; Серия 1. Т. 10.)
9. *Anastasius* = Anastasii Bibliothecarii Historia ecclesiastica sive Chronographia tripartita // Corpus scriptorum historiae Byzantinae / Ed. V. G. Niebuhrii. V. 48 : Theophanes. Bonnae : Impensis ed. Weberi, 1844. P. 1–288.
10. *Antihagiography* = John V. Tolan. Antihagiography : Embrico of Mainz's Vita Mahumeti // Idem. Sons of Ishmael : Muslims through European eyes in the Middle Ages. Gainesville, FL : University Press of Florida, 2008. P. 1–18, 161–164.

11. *Bukhārī* = al-Bukhārī. Kitāb al-hiba : ḥadīth № 2617 // Fayḍ al-bārī ‘alā ṣaḥīḥ al-Bukhārī. In 6 v. V. 4. Beirut : Dār al-kutub al-‘ilmiyya, 2005. 572 p.
12. *Cambier* = Cambier G. Embricon de Mayence (1010?–1077) : Est-il l’auteur de la *Vita Mahumeti*? // Latomus. 1957. Bd. 16. P. 468–479.
13. *D’Ancona* = D’Ancona A. La leggenda di Maometto in Occidente // Giornale storico della letteratura italiana. V. 13. 1889. P. 199–281.
14. *Doutté* = Doutté E. Mahomet cardinal. Chalons-sur-Marne : Martin Frères, 1899. 15 p.
15. *Du Pont* = Du Pont A. Le roman de Mahomet / Nouvelle éd., trad., présent. et notes de Yvan G. Lepage. Louvain : Peeters, 1996. ix+173 p.
16. *Fleith* = Fleith B. Le classement des quelque 1000 manuscrits de la *Legenda aurea* latine en vue de l’établissement de l’histoire de la tradition // *Legenda Aurea : Sept siècles de diffusion : Texte latin et branches vernaculaires : Actes du colloque international Université du Québec à Montréal, 11–12 mai 1983* / Éd. Brenda Dunn-Lardeau. Montréal, Bellarmin ; Paris, Vrin, 1986. P. 19–24.
17. *Guibertus* = Guibertus De Novigento Abbas. *Historia Quae Dicitur Gesta Dei Per Francos* // J. P. Migne. *Patrologiae Cursus Completus : Series Latina*. V. 156. Parisiis, 1844–1855. Col. 675–836.
18. *Historia* = *Historia Hildeberti Cenomanensis episcopi de Mahumeti* // J. P. Migne. *Patrologiae Cursus Completus : Series Latina*. V. 171. Parisiis, 1854. Col. 1343–1366.
19. *Ibn Sa’d* = Ibn Sa’d’s *Kitab al-tabaqat al-kabir* / Translated by S. Moinul Haq. In 2 v. V. 1. New Delhi : Kitab Bhavan, 2009. 270 p.
20. *Jacobus* = Jacobi a Voragine. *Legenda aurea : Vulgo historia Lombardica dicta* / Recensuit Dr Th. Graesse. Ed. 2. Lipsiae : Impensis librariae Arnoldianae, 1801. 958 p.
21. *La légende* = *La légende de Mahomet : Version champenoise* // *Romancero de Champagne* / Ed. Prospère Tarbé. In 5 t. T. 3 : *Chants légendaires et historiques, 420–1550*. Reims : Imprimerie de P. Dubois, 1863. P. 41–42.
22. *Langland* = Langland W. *The vision of William concerning Piers the Plowman : In three parallel texts ; together with Richard the Redeless* / Ed. W. Skeat. In 2 v. V. 1: *Text*. Oxford : Clarendon Press, 1886. VIII+628 p.
23. *Latini* = *Li livres dou tresor* / Par Brunetto Latini, publié pour la première fois d’après les manuscrits de la Bibliothèque Impériale, de la Bibliothèque de l’Arsenal et plusieurs manuscrits des départements et de l’étranger par P. Chabaille. Paris : Imprimerie impériale, 1863. 736 p.
24. *Petrus abbas* = *Petri abbatibus Summula brevis contra haereses et sectam diabolicam fraudis Saracenorum, sive Ismahelitarum* // *Le Coran en latin / Plaidoyer pour une traduction*. Toulouse : Universitaires du Mirail, 2007. P. 30–34.

25. *Petrus Alphonsi* = Petri Alphonsi ex judeo christiani dialogi // J. P. Migne. Patrologiae Cursus Completus : Series Latina. V. 157. Parisiis, 1856. Col. 535–672.
26. *Renart* = Le roman de Renart le contrefait / Éd. Raynaud Gaston et Henri Lemaître. In 2 v. Paris : H. Champion, 1914. V. 1. XXII + 370 p.
27. *The Chronicle* = The Chronicle of Theophanes Confessor : Byzantine and Near Eastern History AD 284–813 / Transl. with introd. and comment. by C. Mango and R. Scott. Oxford : Clarendon Press, 1997. 744 p.
28. *Turpin* = La Chronique dite de Turpin / Publiée d'après les mss. B. N. 1850 et 2137 par Frederik Wulff. Lund : Imprimerie de Berling, 1881. 76 p.
29. *Watriquet* = Dits de Watriquet de Couvin : Pub. pour la première fois d'après les manuscrits de Paris et de Bruxelles et accompagnés de variantes et de notes explicatives par Aug. Scheler. Bruxelles : V. Devaux et cie, 1868. 523 p.
30. Θεοφάνης = Θεοφάνης ὁ Ὁμολογητής. Χρονογραφία // J. P. Migne. Patrologiae Cursus Completus : Series Graeca. T. 108. Parisiis, 1863. Col. 63–1009.

A. V. Zhuravskiy

Mahomet the Cardinal: on the History of an Image of Muhammad in Medieval Europe

The story of the monk Bahira who revealed in young Muhammad the future prophet and the champagne ballad about Mahomet the Cardinal. These two texts are separated by five centuries. However, the latter would have been impossible without the former. The article attempts to trace how young Muhammad of the Muslim legend about a monk-visionary turned into Mahomet the Cardinal in the “Latin West”. Study of the history of formation of the legend about Mahomet the Cardinal allows us to raise the question of what was actually known about Islam in medieval Europe. Was this knowledge really limited only to an insignificant set of polemical stereotypes, as is often commonly believed today? Or we can speak of a system of quite well-ordered images of Mahomet, each of which performed a well-defined task.

KEYWORDS: Mahomet, Bahira, monk-heretic, cardinal, gestures, “Golden Legend”, fox Renart, hagiography, legend, stereotypes.